

ЕЛЕНА ШВАРЦ

СТИХИ

ЕЛЕНА ШВАРЦ

СТИХИ

»БЕСЕДА«
ЛЕНИНГРАД - ПАРИЖ - МЮНХЕН
1987

© ЕЛЕНА ШВАРЦ
ОБЛОЖКА И ИЛЛЮСТРАЦИИ И. ЗАХАРОВ - РОСС

К ОПРЕДЕЛЕНИЯМ ПОЭЗИИ: Е. ШВАРЦ

Попытки определить поэзию через слово частичны. Она сама может быть антропологическим преступлением против языка. Сама может лишь усмехнуться авторитетности веских доказательств бытия Божия. Круто налитым свистом она разбойна. Опытном соединении стихов посредством стихов она уравнивает какие-то другие формы человеческой активности, столь же абсурдные и необходимые. Она знает какие-то другие цены метафорам и становится конкретной, даже концептуальной в поисках чувственных отражений мира невидимого.

На последнем стоит остановиться, говоря о поэзии Елены Шварц. Это не поэзия судьбы в узком смысле слова, она судьбоносна во множестве воплощений, связанная единством голоса. Она универсальна как поэтическая материя, в которой узнаются разные гласы некоего октоиха речи, и лична ужимкой губ. Она сферична в кратком стихотворении, неудержимо и зигзагообразно, расстреливая колчан темных строк по невидимым в светлой смеси листа мишеням. Она взрывается в темных многостраничных свитках, которые кажется, что не проглотить, развоплощая словесный мрак, одержимая узнаванием потусторонних конструкций этого мира. Она служит медиумом невыговариваемого универсума, в котором человек оказывается на гигантских ступенях и мизерных провалах к коварному слову Бог. Она остается наиболее конкрет-

ным воплощением тяги наших 70-х годов этого века в жерло духовности. Она — остается, не поддаваясь определению.

Так представляется мне поэзия Елены Шварц в целом. Петербурженка и духоборка. Сама собой и больная Богом. Соблазняя атеистов и религиозников, культурников и примитивистов, и пребывая в каком-то полусне непечатном. Анимой континентов, гонимых с лица Земли. Но прежде всего узнается в ней остраненно-щемящее: **МЫ ВЕДЬ — ГДЕ МЫ — В РОССИИ...**

И. Бурихин

О ТОМ, КТО РЯДОМ (из записок Единорога)

1

Тонкий мира тлен,
Ветхость похорон
Обольщали меня.
(Но зачем же тряпкой укрылся он?)
Небосклон,
Пелена, плева
Застилали взор —
Что котенку недельному.
Проклинаю радости, сладости брюха,
Розовость, детскость —
Не буду скрывать теперь —
Я чувю, я вижу,
Я — зверь.
Он лежит — что корова,
Что белый египетский бык,
Только ворсинки на коже видела я,
Слышала дальний мык.
Он лежит коровой,
Затопленной в своем молоке
Кипящем.
Голубую мягкую грязь
Соскребаю с глаз,
Пелена упала —
Боль и звон,
Смотрят на меня в упор
Я и Он.
Не хочу быть сметью, слякотью, смертью
Буду живым молоком,
Буду быком.

2

Играю в прятки в лихорадке —
Да где же я, где же я?
Ни в зеркалах, ни в глазах чужих,
Ни в слезах, ни в словах своих
И вдруг услышала — гляди:
Током налитое яйцо,
В нем замкнуто твое лицо
И оно катается в груди.

3

Рукой души Его коснулась
Случайно
И сразу жизнь споткнулась
Тайна —
Что Он телеснее нас всех Господь.
А мы — резьба по облаку.
Что плоть бороться?
Ее огнем всю надо напитать
И видеть научить и понимать
И всю глазами светлыми усеять,
И как дитя,
Чей облик обречен,
Учить ее, наказывать, лелеять.

4

Его тело из ртути —
Из моря
Ртути живой,
Серебра переливного, жгучего.
Если даже тебя Он разрежет
И как Чермное море пройдет,
Ты его не увидишь — пока

Не облачишься
В облегающий тело глаз,
В чечевицу алмазную.

5

По запаху сыщу Его,
По проблескам лазурной крови,
Сиянию костей,
По запаху сыщу.
Нос отращу Единорога
Пронюхаюсь через грань вещей.
Узнайте же, что запах Бога
Похож на крепкий запах тока.

6

Тот, кто пространство исторг
Как вопль разъяренной тоски
Из горла,
Из огненной глотки, из мысли,
Кто выблевал Время,
Кто построил Землю как дальний хутор
Чтобы взрослого
Отделить Сына —
Знал затаенное Твари желанье
Сладкое —
Бога убить.

Увы! Эвоэ! Увы!

Его хочет резать святой
И в крови себя растворить.
Кто выше подпрыгнет
С опасным объёмом в плечах,
С ядом любви в очах?

Увы! Эвоз! Увы!

Он проснулся в ночи
И увидал – Сын с секирой в руках
Подъятой – глядит и молчит,
И воплем тоски
Пространство
Исторг из груди.

Увы! Эвоз! Увы!

Я – глаз Его миллионный
И легкий огонь в груди воспаленной –
Что пламень мгновенный спиртной –
Вспыхнет, погаснет опять.
Ах, по канату молитвы
Мой черед залезать.
Воплем ужасным
Время из горла исторг,
Хлынул скорби поток
Неповоротный красный.

Увы! Эвоз! Увы!

7

Нечему створаживаться –
Нету молока в груди
И живот не взбухал прибойным морем,
Не шумел внутри детей, внуков песок,
Десантом
Не выбрасывались из раздавшегося чрева
Потомки.
Я – рода тупик.
Ветка без цветов

На закате.
Предки проносятся стаей пчел,
Ищут дупла другие
Для нерожденных.

8

На Землю
Пал человек
Четырехпалой
Отрубленной рукою Бога,
Отрубленную, но живой —
Где было некогда запястье,
Где боль была
И кровь лилась —
Зарубцевалось,
Округлилось,
Глаза пробились,
Ум завелся,
Рубиновый свет,
Засмоленная жизнь
Запечатанная кровь.

9

Море стучит
О разрушенный храм,
Десять колонн костяных
Жалко белеют,
Птица кричит,
Спит скорпион,
В шелку святых пауков
Слепая
Коробка для мыслей
Повисла —

Забыла, забыла
Ремесла и числа
И трещина темя
Венчает крестом.
Невидимого Бога
Неотличимый жрец
В воздухе
Тает.
О какое родное! Как это знакомо давно мне!
Это видела я — в лодке
Когда плыла
По рекам крови своей
Петлистым, закатным, темным.

10

Мир —
Это самоубийство Бога
Чужими руками,
Морем собственной крови
Он захлебнется
Любовью.
Это царское право
Людям навек не дано,
Только тем,
Кому оно подносит
Чашу желчи своей.

ПАМЯТЬ О ПСАЛМЕ

О. Седаковой

Вот сижу я при реках своих Вавилонских,
Вот я плачу (ли плачу?) над Черною Невкой,
Низко арфу повесив на иву, обнявшись
С жизнью — верткой пиявкой, ухабистой девкой.

Вот стою над обрывом, над свиваемой в клуб
темнотой.

Это чистым все слышно, это чистым все видно
И пути их прямы — кресты,
Я ж по кругу вращаюсь в рулетке безвидной
По бельму слепоты.
Возведи меня на гору, Бог мой простой!
Ты послал меня вниз, как солдата на битву,
Я же сжился с вдовицей на долгий постой —
С красноглазой, не знавшей отрады молитвы,
С жизнью слепенькой сжился душой холостой,
Возведи меня на гору, Бог мой простой!

Пронеси меня вкось над долиною Ингерманландской,
Покажи мне равнины болотистый прах,
Где осока, где бесы в своем окаянстве
Держат слезные токи в подземных ключах
И замкнули там наглухо. Надо бы. надо бы
Зарыдать, утопить бы слепую старуху в слезах
И по Финскому морю печали и жалобы
В тихо тонущих плыть кораблях.

1981

СПАСЕНИЕ ВО СНЕ ОТ СЕРЫХ СУДЕЙ

Мне цыганка сказала: Иди на Закат,
А потом поверни на Восток.
Прыгал дактилем снег. Я быстро пошла,
Завернув свою жизнь в платок.

А Солнце — уже ниже колен — скользило наискосок
И пало так низко, так низко в корыто,
Что стоит, где дымитесь Черной речки исток
И во льду чернее Коцита.

Да, это — Запад. О, как этот люк
К теням родным спуститься манит.
Сумрачный запах нарциссов (все это сон)
Цыганка назад за полв меня тянет.

Цыганка, гадалка, подросток,
Крошечный — лет десяти,
Грозно она показала ногтем,
Что надо к Востоку идти.

Но я оглянулась все же назад —
Там Филонов, там — кладбище, там — детсад,
Блокада там спит и регата
Мчится по глади Орка.
Там пасхальной наседкой церковь стоит,
Согревая крылом мертвых.

Я добегу до серых в грязь пространств,
Я добегу до розовых равнин,
Без стука повалившись на колени
Клювастым судьям — все открою им.

Они сидят как в театре, смотрят в лупу.
— Ведь наше Солнце — это лупа, да?
Я — царь и птица, снова царь и бюргер,
Я запрещаю в нас смотреть сюда.

Так я ругалась с мерзким трибуналом.
Они же клювы остро раскрывали
И хохотали, шелестя, и кожей мягкой трясли,
кидались калом,
И перепончатыми лапами стучали.

Они без глаз, но жизнь мою читали
И так смешна она для них была,
Зеленой слизью всю ее марали,
Я вам не "Крокодил" и не Рабле.

Я вам... Но тут они совсем зашлися в смехе
Тогда цыганочка шепнула мне,
Что если не уйду сейчас — навеки
Останусь с ними в серой стороне.

Отдай им жизни часть — она сказала —
Отдай им жизнь — как скорпионы хвост,
Отдай, что нагрешила и соврала.
Они съедят. Скорее на зюд-ост!

И с хрустом отломила. И не больно.
И мы пошли по улице по Школьной,
Мимо ларьков и яблок и дверей,
Где Солнце зеленое как юный кислый клевер
Плясало, восходя, в сердцах у всех зверей.
И я свернула и уткнулась в Север.

Щеколда звякнула. Снег закипел как жженка.
Кольцо расплавилось в весенний лед.
Под настом самолет гудит так тонко,
А змеи в небе водят хоровод.

Цыганка мне – Прошла твоя усталость?
Та, что Творцу дарует Бог как бром
Пред смертью. Опять у Парки жизнь твоя запрялась.
И сгинула, играя серебром.

Тут я проснулась. Жизнь во мне плясала,
Что избежала путем чудесным смерти грязных зал.
– Не важно – думала – я дни наворовала
Или мне Бог их даровал.

15 дек. 1982

ШИПОВНИК И БЕТХОВЕН

Шиповник низенький, малиновый
Ежом круглишься ты
У черты,
Где море споткнулось,
Упало и лежит,
Шумя округлым впалым животом.

Муслиновый роня лепет в песок
И лепестки теря небрежно у камышей,
Как носовой платок или манжету —
Ты мне, задумчивый, напомнил
Бетховена, когда он утром кофе пьет,
Плеснув его рассеянно в горшок
Ночной. В нечесаной башке перо подушки
Помятый, бледный, он чешется, мычит, гудит —
как тот,
Кто воду из песка морского пьет,
А ветер в нем шуршит или поет.

Он головой трясет, а музыка лежит
На раковине дне ушной — глухой, косматой
И кажется легко —
Поймать сбежавшее галактик молоко
И сунуть в слух, как клочья ваты.

Полуарбуз, изъеден муравьями,
И ты, шиповник, слышишь, знаешь,
Ушами красными ты к шуму моря припадаешь,
Твоими я (так мне мерещится) оплетена корнями
И с ними вены все свои сростила.
Как бы в кровососущей колыбели
Лежу я прутяной и мелко-мелко сердце занозила.
Качаясь, шурша, гудя и внемя
Там в вышине цветам даю начало, срок
В пещере багровеющей подземной
И море воздухом сочится чрез песок.

В ЛИСЬЕМ НОСУ

Полдень стал ленивым и седым,
Верно будет гроза.
О парильня, о мелкий залив,
Камыша завершие — дым.

Бредешь по мелкой теплоте
И забредешь в закат,
Качнулся справа на воде
Всплывшей шляпой Кронштадт.

Кто носил ее, был великан
В этой луже кормит мальков,
Вот бредем мы по телу его.
Раньше было здесь глубоко.
О парильня! О мелкий залив!

1982

БАЛААМ

Ю. Кублановскому

На колокольне так легко,
На колокольне далеко
И виден остров весь.
И мы с тобой не на земле,
Не в небе — нет,
А здесь —
Там, где и должно бы свой век
Поэту и проведать —
Где слышно пение калек
И ангельскую весть.

Памяти Г.С. Семенова

Лето кануло в Лету.
Ночь идет по ножу.
На длину сигареты
Я у вас посижу.
Что-то очень простое
Я забыла... Сейчас...
Все казалось мне, что я
Лягу в гроб раньше вас.
Впрочем, все мы — песок, песок — мы
Одного сезона и пляжа.
Всех нас одной зимы
Хладная нить свяжет.
Моя грудная клетка —
Как спрятанные крылья —
Все хлопает, взлетает —
Напрасные усилья.

1982

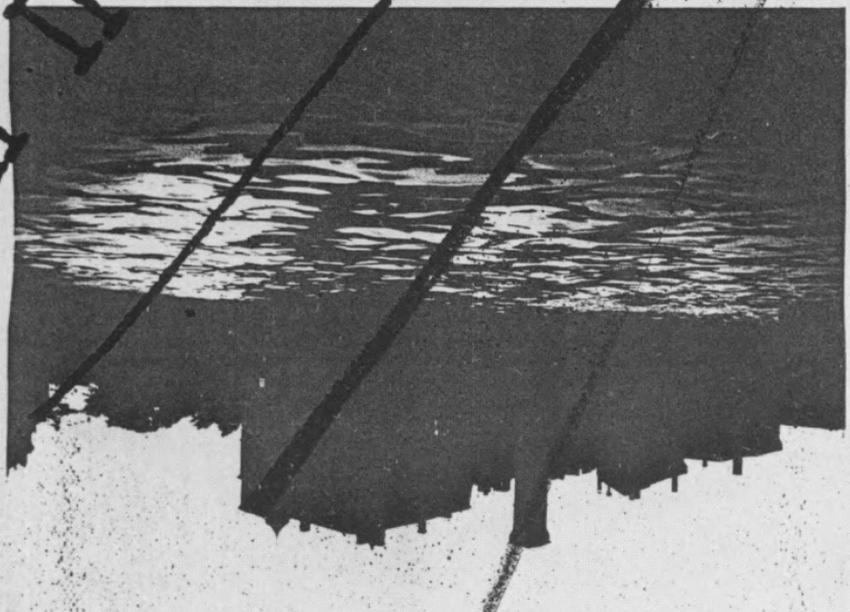
НЕУГОМОННЫЙ ИСТУКАН

Был ли когда столь уныл Петрополь?
Тополь серой шерстью исходит,
Падают дети в него, играя,
Как холмы невесомые Рая.
В час, когда сумерки из-под земли сочатся,
Или мы сами – будто орех чернильный –
Растворяясь, ночь порожаем,
В час – как на мост далекий высокий
Ниткой янтарной скользнет трамвай,
Воздух пронзая в кровоподтеках,
Коим одет ты, мой мертвый рай,
В этот час, усыпив охрану,
Я пробираюсь сквозь темные залы,
В круглую комнату, в кокон без окон,
Где мерцает лицо малярное детское
Истукана, одетого в платье немецкое.

Дергается Восковая Персона,
С грона не встав и грудь растворяя:
– Нож возьми и достань скорее
Жизнь мою – как яйцо Кошея
Тлеет она, душит и спать мешает –
Здесь она, где кончается шея.

Тусклое, влажное – будто дракона
Выводок в нем – я его достану,
Но посмею ли разбить о стену?
Закаменевшее треснет крест-накрест,
Может в нем задремал Антихрист,
Брызнет адское пламя?

на сд
в высоком
Петербург тени

— Разбей, я успокоюсь скоро,
Вы по кусочкам этот город
В Эдем снесете на спине,
Он поплывет в высоком море —
Небесный Петербург теней.

Но он и так наполовину
Уже не здесь, уже он там,
И этот вянет, сохнет, стынет,
А тот плывет по облакам.

Я тогда яйцо это в стену бросала —
Повтругу поезда не нашли вокзала
И рельсы в тумане кончились вдруг,
Где цвел и мерз Петербург.
Мы из деревьев стали уголь
И отразили мы земли промерзший угол.

И бестелесных он заставит нас ищачить,
Как прежде муравьев-крестьян,
Рыть облака и небеса иначить,
Как шведов, ангелов куда-то прогонять
Как от Полтавы — от Венеры,
Зане они не нашей веры,
И корабли снастить и танцевать.

Что ж! Мостили небесные топи,
Мостик строили в седой океан,
Чтоб унес он свой город в пропасть,
Завернувши в зеленый кафтан.

Октябрь 1980

Как эта улица зовется — ты на дощечке прочитай,
А для меня ее название — мой рай, потерянный мой рай.
Как этот город весь зовется — ты у прохожего узнай,
А для меня его название — мой рай, потерянный мой рай.
И потому что он потерян — его сады цветут еще,
И сердце бьется, сердце рвется счастливым пойманным
лещом.

Там крысы черные сновали в кустах над светлою рекой,
Они допущены, им можно, ничто не портит рай земной.
Ты излучал сиянье даже, заботливо мне говоря,
Что если пиво пьешь, то надо стакана подсолить края.
Какое это было время — пойду взгляну в календари,
Ты как халат, тебя одели, Бог над тобою и внутри,
Ты ломок, тонок, ты крошишься фарфоровою чашкой,
в ней

Просвечивает Бог, наверно. Мне это все видней, видней.
Он скорлупу твою земную проклевывает на глазах,
Ты ходишь сгорбившись, еще бы — кто на твоих сидит
плечах?

Ах я взяла бы эту ношу, но я не внесена в реестр,
Пойдем же на проспект, посмотрим — как под дождем
идет оркестр,
Как ливень теплый льется в зевы гремящих труб, играя
вниз

С "Славянкой" падает с обрыва
мой Парадиз.

ПРИ ЗАТМЕНИИ ЛУНЫ

Это было вчера — как затмилась Луна,
Будто чулок, бандитка, на морду она натянула,
Палевую смерть источала она,
С неба смертью дуло.
Чего же нам унывать, к чему?
Мир больно страшен, мир больно страшен,
Блеск гибели пал на чело ему
Кровью подкрашен.
Это нам обещает много печальных дней,
Но зато я теперь знаю —
что живу не в звериной родной норе,
А на скрещеньи дорог ледяных умираю,
На сквозняке далеких могучих сил.
Тянет Ужасом, Горем. Все стекла скрипели
В небе. Радостный реквием сам по себе голосил,
Холодом счастья веяло в звездные щели.
Под маской
Лицо Луны значительней стало. Хотела,
Желала и делала зло.
Пришлось мне Луну другую отыскивать в скарбе
тела,
Зажгла ее, чтобы стало пока от нее светло.

Январь 1982

Когда за мною демоны голодные помчались
Косматыми и синими волками,
Ах что тогда мне бедной оставалось —
Как с неба снять луны холодный камень
И кинуть в пасть им, чтоб они взорвались.

От блеска взрыва вмиг преобразились,
Ягнятами ко мне они прижались
(Я рядом с ними теменью казалась)
И даже шерсть их снежная светилась
И я их сожрала — какая жалость!

Я стала рядом с ними великаном,
Сторуким, торжествующим в печали,
По одному брала, рвала и ела,
Они же только жалобно пищали.

Но я им говорила — не вопите
И ничего не бойтесь. Вы
Там в животе немного полежите
И выпрыгнете вон из головы.

Но светом их набив свою утробу
Сама я стала ясной и двурукой,
И новых демонов семья в голодной злобе
Учуяла меня. Все та же мука.

АНИМУС

Вот он! Во мне есть страшный
Немилостивый бог —
С кровавым глазом горящим
И со змеєю у ног.
Это мой анимус — Яша,
Свирепый ярый святой,
В горло вопьется когтями
И разрывает: Пой!
Когда подогнув колени,
Он прыгает в душу мне,
То хриплым мой голос пленный
Становится. Как во сне
Я говорю протяжно
Как темный древний пророк,
Он топчет тумбами тяжко,
Стучится в мой крепкий висок.
Он хлюпая рвет на части
Людишек, а может меня.
Жестокое алое счастье,
Подземного бог огня.
Но когда на пучке моих жил
Он играет и лапою машет,
Все, все в утробе земли
Золото пляшет!

1982

* * *

Там, где сердце кончается морем,
Где разум тонет в волнах —
Часто слышв я будто из пены
Голоса, наводящие страх.

То зовут меня будто, то вздохи,
Этот голос — он с детства знаком мне.
Наклонюсь, посмотрю — только вихри,
Только двш полуслипшиеся комья.

1982

ВОЗДУШНОЕ ЕВАНГЕЛЬЕ

(Четыре существа воздушных на воздуха стекляшке
начертали свою благую весть — кто жалом, кто крылом.
Убоги речи их? Мое убого зренье, ведь воздух стерся,
Трудно понимать.)

Комья облаков к лопате прилипли,
Вырыла из воздуха с трудом ящик,
Был в нем мед предсмертный
Пчелы багровой,
Ангела лепет,
Чудотворный гвоздь
И граненый шар.

1 От пчелы

Я — дикая пчела печальной Иудеи,
Я голод утоляю свой
Гвоздикою полуживой,
Ее ищу в полях везде я.
Однажды слышу я благоуханье
Как в розовом саду после грозы.
Туда лечу стрелой, жужжа, и вижу — вот
Всего лишь человек в тени лозы
Засохший хлеб жует.
Вокруг я стала виться,
Ища — куда бы впиться.
А Он мне говорит — Не тронь, умрешь.
Апостол среди пчел,
Ты, верно, чуешь
Нездешнюю мерцающую розу.
Она как будто рялом, но на деле
Дорога к ней через глухую ночь. —

С тех пор куда б Он ни пошел
И я за ним.
В суровую ли Галилею
В волне блаженной я плыла
Полуслепая и пила
Лишь соки сохлых трав.
Потом Его я потеряла –
Не знаю как,
Забвенье дарит
Пустынный мак.
И вот нашла – в Ерусалиме.
Куда я, Божия пчела,
В уснувший садик забрела.
Вдруг
По сердцу бьет благоуханье.
Ведет меня любовь.
Я вижу, – злые люди, крест,
И благовонная струится кровь.
К нему, шершавая, прижалась, и вся горю.
”Кольни меня, пчела, в сердце,
Нынче же будешь со мною в раю”.

2 От кедра

Как хорошо, что у деревьев нету глаз,
А то бы их выкалывали, жгли.
Невинный, вращающийся беспомощно,
Живой и влажный,
В коре засохшей черной...
Топор...

Срубили, разрезали
Разрезали,

Поперек самого себя
Сколотили,
Вбили в землю,
Повесили Бога
Живого,
Он появился как зелень
Весной из корявых сучьев,
Как полная Невозможность.
Руки Его на моих плечах.
Я прижался, хотел
Последним соком своим
Силы Его подкрепить.
Вдруг я стал деревом снова,
Расцвел,
Весь покрылся листьями
Корень мой
Укоренился в далекой белой земле
В сердце мира,
Весь я в красном плаще цветов.

3 От ангела

С Крита на Кипр
На ножке одной,
То взмою, то к морю
Вниз головой,
Простой ангелишка —
Летал я, резвился весь день
Как пташка.
Вдруг набежала тень.
Тело воздуха скорчила боль.
В море закричала соль.
Я выше взлетел в страхе тогда —

И вижу — день, а будто ночь.
От Иудеи расплзается злая вода,
Чернота по лику земли ползет.
А Тот, кого я видеть привык
Огненным шаром, ровно горящим,
Разодран — Крестом пылает
Во тьме.
Я упал в пустыню,
В песок лицом
Кругом
Сидели демоны,
Частые как цветы польни,
Молча
И дрожали всем телом
Как шакалы
При затменьи луны.

4 От воздуха

В воздухе спит ветер,
Бог в человеке.
Господи Боже,
Сын Твой —
Ныне становится ветром.
Чтобы к Тебе вернуться,
Чтобы в свитом из вихрей
Вечно кружиться
Кольце.

Его дыханье с воздухом смешалось.
Ветер разнес его по миру — узнаешь,
Что в легкие вошла хотя бы малость,
Когда вдруг ни с чего охватит тело дрожь.

ЖИВАЯ МОЛНИЯ

Бродила Дева по заливу
И не заметила — как в миг —
Лицо пространства исказило
И начался небесный тик.
Молния в нее вонзила
Взгляд, малиновым пером
Чиркнула, заскользила
Спинным хребтом.
Но не сожгла, а оживила
И в муках молния сама
Живою стала и светила,
Переливалась, воздух жгла.
Она лишь к древу прислонилась
И целый лес гудит огнем,
Дитя погладила (забылась) —
Младенец рухнул головней.
Золотая! Погибельная! Тьмы дочь
И душа ее и в нее скользнешь.
После тебя темнее ночь.
В золе ты душу свою найдешь?

ТЯЖЕЛАЯ ЛУНА

Как будто подбородком Дуче
Луна раскидывала тучи,
Она желала разбудить
Всех спящих, но в сети из снов,
Она хотела раздавить
Всех тех, кто к этому готов.
Иногда так просит
Смерти сердце,
Как червяка воробышек,
Так жаждет,
Так иногда хотят глаза небесной темноты,
А разум — наводненья света.
О мозг лунатика, утопленник, — похож
На порванные сети, на ворота,
В которых пляшет
Пьяный Элефант.
Прижавши к подоконнику лицо,
Я не смотрю макушкой на Луну —
Нет, не раздавишь, чудище ночное!
Скорей булавку я в тебя воткну.

1982

* * *

Меж кладбищем мальтийских рыцарей
И ламаистским темным храмом —
Сперва черту проведши прямо,
Посередине точку выцарапай,
И в этой точке, строго смиренной,
Меж этих двух полей заряженных
Всегда сидит большая чайка
И кланяется в обе стороны.

Как будто вер двух провода
Она, подъяв, соединила
И через тело пропустила
И взорвалась здесь навсегда.
О если б как она — все веры
Соединить в одной, одной
И ошетиная будто солнце
Большой взметнуться булавой.

1982

В ПОЛУСНЕ

Оплели меня легкие сны, оплели,
Нежной цепкой тугой повиликой под кожу вросли
Я проснусь, поищу третий бок,
Плеть с виска сорву, белый цветок.

В полусне становлюсь я простой шаровидной
То стою на мысу, то латыни глаголы учу.
На сердце — крест, на животе — звезду Давида —
И листья клевера — под ложечкой черчу.

1982

ВРЕМЯ ПРОВОЖДЕНЬЕ

Д. Панченко

Что там за книга в сумерках синеет?
Ну да — та самая, конечно, о шаманах.
Об Инквизиции вишневая — и мне
С обеими болтать приятно при луне.
И мы втроем напоминаем пьяных.
Та — о молочной водке, о кобылах,
О том, что я сама могла б камлать,
А Инквизиция — она бы научила
За слово каждое о Боге отвечать.
Потом я в ванне до свету лежу,
Курю табак турецкий, оду
Горация с трудом перевожу,
И часто мой словарь ныряет в воду.
Или решаю я, что завтра я пойду
На выставку игрушки — не просплю
И прогуляюсь я в Михайловском саду,
А после пива-кофея куплю.
Нет, уж скорей, — на остров Каменный
И у пруда там поброжу,
Свой островок в морозном пламени
И зябких уток погляжу.
Потом засну, проснусь — толкую сны,
Что шепчет мне душа из глубины,
Стараюсь угадать — не очень успеваю
И снова засыпаю.
Так дни я провожу в надежде вдохновенья
Как будто светлого святого наводненья.

Янв. 1982

ВОРОНА В МОНАСТЫРЕ

Е. Пазухину

Слез розоватый жемчуг,
горький окатный, светлый,
стукающий друг о друга,
высыплю в море стакан.

Долго, долго летела над морем синим
И поселилась над монастырем,
Сена, трухи натаскала и глины,
Дом утепляя тряпьем.

В круглом гнезде беспокойно —
Что я? — тонкая кость и перья.
Издали слышится пенье,
Светят алмазные старцы.

Мило — с высокой березы,
С темной ветки,
В одежде вороны
Вниз —
На двор монастырский
Глядеть — на шепчущих братьев,
Черных таких же, как я.

На денное их круженье,
На быстрое их поспешенье
И на суровость их.
О как в сырые ночи
Кругло они поют!

Они ходят по кругу грачами,
Будто ищут в земле червяков,
Только бес вдруг зыркнет с печалью
В небо снежным бельмом без зрачков.

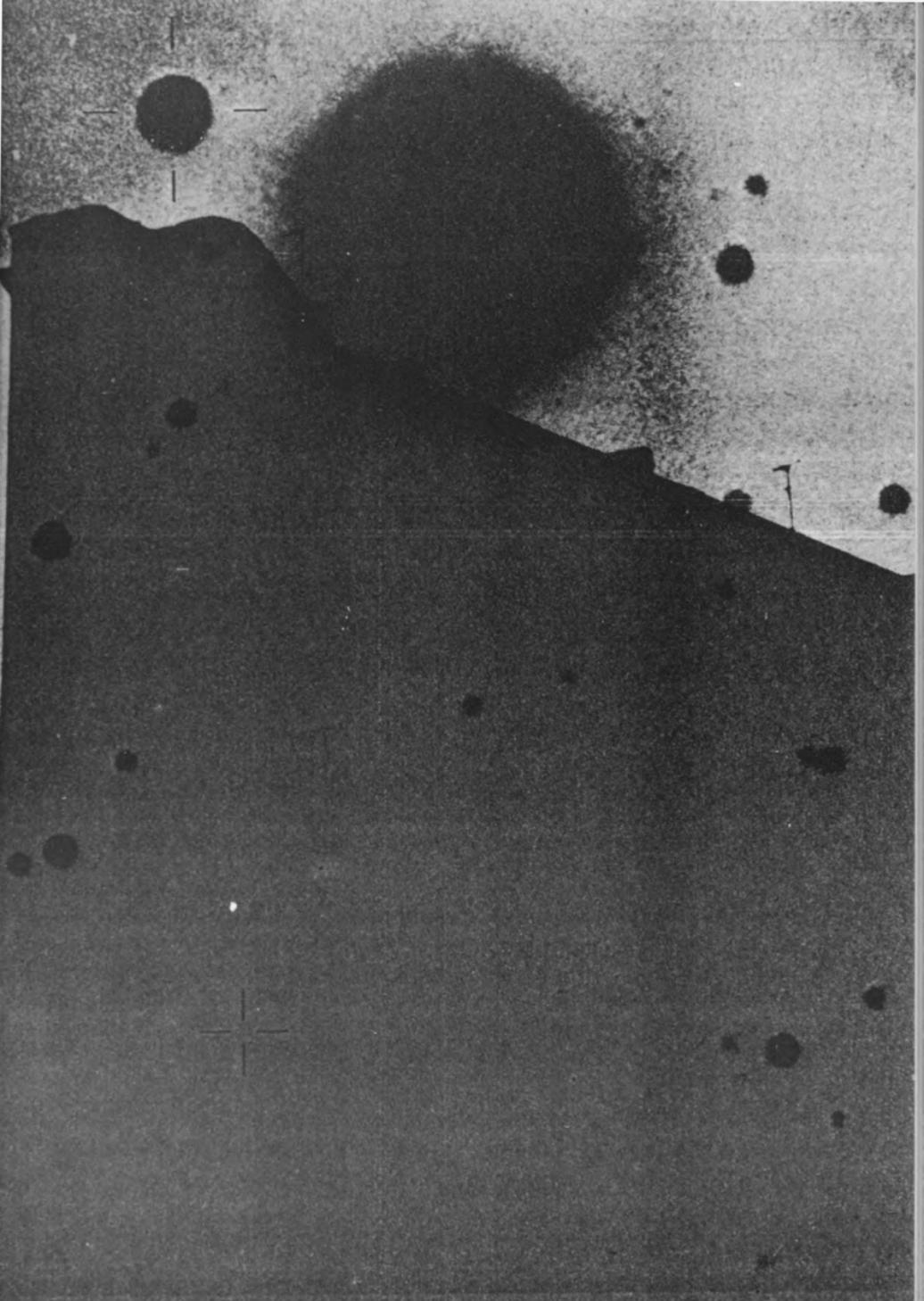
На оперенной груди
Крест крылом начерчу
И в братнее это вращенье
В темном куколе слечу.

Лечу я кругами и вижу:
Ворота, свечи, река,
Немотствующую рыбу,
Немого над ней рыбака.

Вниз тяжелою силой влекома,
И хочу я подняться к дому,
А уже не могу, не могу —
Звезды грубо глаза посолили,
Крылья вянут и изменили,
А ноги растут на бегу.

И когда я спускаюсь ниже,
Становлюсь я как все, как все,
И клюв свой упрятав в перья,
Ступаю средь ряс по росе.

Бреду средь иноков инок босой,
Будто тоже — ограда и столп,
И темная узкая церковь
В тонкокостный ударится лоб.

ma / June = July / 1944

Кланяюсь я и молось, а старец
(в жилах у него золотая пыль)
Говорит: "Над усопшим братом,
Брат, прочти вдогонку псалтырь."

Но из горла клики и клекот
И черных засохших цветов поток,
И тогда я, кусая крылья,
Бегу из церкви наискосок.

Слышу крики я "Старче, что ты!
Это новенький, глухонемой",
Но уже я вприпрыжку и летом
Возвращаюсь домой.

Во тьме промозглой весной светло,
Катится круглое пенье —
Белое колесо, темные спицы.
Протягиваем крыло
И носим в ночи мы, птицы,
Витое высокое пенье,
Впрягшись в его колесницы.

1981, март.

* * *

Глухонемой и взрослый сын
У матери — один.

Вот он сидит и жадно ест,
А если хлеба хочет —
Кричит
Как дряхлый кочет.

Весь
Густо бородатый
Как мертвецом зачатый.

И только матери он мил,
Когда слышала звонок,
Вся просияла — Ты, сынок —
А он в ответ ей — Мы, мы, мы — ы.

Мы не рабы и он не раб.
Его прогулка за спиной
Стоит как призрачный корабль,
Подавленных желаний ряд,
И девочки, и мотыльки.

Она рванулась... зря... я руку
Сжал этак вот... А после, после в речку
Все это матери он яростно мычит,
А та, кивая, зажигает печку.

1982

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ НА ОСОБЫЙ РАСПЕВ

1

Горь-ка
-я ты, любовь,
Серд-це
из-
мучено
в кровь
Птичьим
гнез-
дом
темнеет.
Ра-
зум
щебета полн
Голод-
ных немолчных птиц.
В черной ракушке Бог
Спит под
звездой морей,
В соли, серебре розовеет.
Жалко, жалко
любимых всех,
Спрятала б их в живот,
Только тленный и он.

Плюньтесь зрачками, глаза,
К морю во тьме летите,
Плачьте там над теплою тенью,
Над посинелой любовью,
Слабой сестрою смерти.

Прут рас-каленный возьму,
Яз-ву души прижгу,
Смерти нет вообще,
Жизнь не-изводна в нас.

Будто клейменный зверь
Станешь себя уносить,
Кинешься в море рыбой,
Вынут — крюком за губу.

Раскалю кочергу,
Поставлю ее на лоб.
Буду прыгать в горах,
Буду богов ворошить,
Буду бессмертных язвить,
Знайте же знайте боль,
Что во
 юдоли цветет.

2

Осенний человек —
Трепещут листья,
Осенний человек —
Вздыхают гроздьа,
Когда срезают
Их ножом
Кривым, наотмашь,
Когда целуют пятки,
Что их давят.
Я вижу — что земля уже созрела,
Она уже лиловым соком брызжет
Все языки Господь наш понимает

Из ягоды шепчу, а он все слышит,
Сквозь кожуру меня Он различает.
Пора, пора
Пролиться
Алым соком,
Пора, пора
Бродить в дубовой бочке.
Пора, пора
Созревшему в давящую,
Пора, пора
Плескаться в медной бочке —
И мне созданию
Темному, земному,
Из мякоти и косточек и яда,
Я выросла
На сердце винограда,
На слабом скользком сердце
Винограда.
Настала осень
На земле и в вышних
И потому подземный
Голос слышно.
Ах, выверни мешок,
Чтоб я очнулась,
Ах, выверни мешок,
Чтоб я проснулась,
Упала — посреди
Поющих речек,
Качающих распевно головами,
И кровными рассыпалась словами.
Настала осень на земле и в вышних.
Адам трепещет, осыпая листья,
Сожжем же листья и очнемся дымом

Все языки Господь наш понимает...
Мы живы посредине винограда...
Настала осень. На земле и в вышних
И по ночам Весы седеют в небе.

Янв. 1981

* * *

Земля, земля, ты ешь людей,
Рождая им взамен
Кастальский ключ, гвоздики луч
И камень и сирень.
Земля, ты чавкаешь во тьме,
Коснеешь и растешь
И тихо вертишь на уме,
Что всех переживешь.
Ну что же — радуйся! Пои
Всех черным молоком.
Ты разлилась в моей крови,
Скрипишь под языком.
О древняя змея! Траву
Ты кормишь, куст в цвету,
А тем, кто ходит по тебе
Втираешь глен в пату.

1981

ОРФЕЙ

На пути обратном
Стало страшно —
Сзади хрипело, свистело,
Хрюкало, кашляло.

Эвридика: По сторонам не смотри, не смей,
Край — дикий.

Орфей: Не узнаю в этом шипе голос своей
Эвридики.

Эвридика: Знай, что пока я из тьмы не вышла —
Хуже дракона.

Прежней я стану, когда увижу
Синь небосклона.

Прежней я стану — когда задышит

Клетка — с отвычки больно,

Кажется близко, кажется слышно —
Ветер и море.

Голос был задышливый, дикий,
Шелестела в воздухе борода.

Орфей: Жутко мне, вдруг не тебя, Эвридика,
К звездам выведу, а...

Он взял — обернулся, сомненьем томим

Змеища с мольбою в глазах,

С бревно толщиной спешила за ним

И он отскочил, объял его страх.

Из мерзкого брюха

Тянулись родимые тонкие руки

Со шрамом знакомым — к нему.

Он робко ногтей розоватых коснулся.

— Нет, сердце твое не узнало,

Меня ты не любишь –
С улыбкою горькой змея прошептала –
– Не надо! не надо! –
И дымом растаяла в сумерках ада.

17 янв. 1982

ВОРОБЕЙ

1

Тот, кто бился с Иаковом
Станет биться со мной?
Все равно. Я Тебя вызываю
На честный бой.
Я одна. Я один.
Пролетеламышь, проскрипеламышь,
Громко дышитночь.
Мы с Тобой как русские и Тохтамыш
По обоим берегам неба.

2

В боевом порядке легкая кость,
Армия тела к бою готова.
Вооруженный зовет Тебя воробей.
Хочешь – первым бей
В живое, горячее, крепче металла,
Ведь надо – чтоб куда ударить было,
Чтобы жизнь Тебе противостояла,
Чтоб рука руку схватила,
И отвечу Тебе – клювом, писком ли чем я,
Хоть и мал, хоть и сер.
Человек человеку – так, приключенье.
Боже Сил, для Тебя человек силомер.

1982

ХАСИДСКИЕ МОТИВЫ

1

Мерцающим медом полна луна
И радость источает.
Какая птица в сердце бьется?
Взлети, взлети, но не одна.
Чего, чего мне не хватает?
Густого райского вина.

Бутыль плетеную возьму,
Пойду на кладбище одна
И обвернувшись вокруг себя,
Увижу, что она полна.

И кто б тогда за мной ни мчался,
Сухими крыльями шурша,
То угрожая, то моля,
Мы выпьем быстро, выпьем разом
С тобой, голодная весна,
С тобой, дрожащая душа,
Которой жаль своей бедный разум.

2

Мой родимый, мой коханку,
Видишь страсть мою и жалость?
Я как Божия коровка
В тьме глухой к земле прижалась.
Видишь-видишь — не наступишь,
А наступишь — не раздавишь,
В нас, червях, такая сила,

Когда Ты нас ей одаришь.
Мой болезный, мой любимый
(а любовь всегда погубит)
Вижу я неотвратимо
Взор Твой темень врежет грубо.
Шерстью ужаса покроюсь,
В ней спасусь я, в ней укроюсь.
Вот уже, как два козла,
Мы с Тобой сплелися лбами
На мосту десятой сферы.
Сколько Ты боролся с нами,
Чтоб узнать, что – не химеры
О займи хоть нашей веры!
Всегда такой ведь народится,
Кто будет сам себе палач –
Кто отобьет двумя рогами
Любви молниевидный мяч.

1980

КНИГА НА ОКНЕ

Как ягненку в грозу или чистым — нечистым
запахнутым в ящик
Страшно мне в этом дереве, дереве кипящем.

Большое дерево — Божье Слово —
Лавр, шелест, трепет слышно —
На котором пророки висят, как терновые вишни
Или как рыба на нити (прыг-скок) рыболова.
О древесная темень, спутанность, прелесть —
Ветки, ягоды, ангелы — все они спелись,
Они ткуют и поют. Что же ткуют? Багряницу.
Среди листьев китов бьют фонтаны, а птицы,
Птицы хищные выпили б кровь этих ягод,
В зоб свой замшевый пару-другую сховали,
Только нет, — обожглись, снова вплюнули в ветки,
И они приросли канарейками к клетке.
В это дерево мне не войти — это джунгли,
Ты уж там, в сердцеvine, в стволе, в тихо тлеющем
угле.
Среди листьев там плещется море, и птицы-пловцы
в нем не тонут,
Ночь — Иона в Ките, через ночь — Кит в Ионе.
Вот яблоко, звеня, отверзлось и два павлина там —
Тот что пестрее — Ева, позолотей — Адам.
Авраам лимоном сияет, в дуплах светлые духи
роются,
На лепестках стада оленей, серн,
Юдифь летает синей белкой
И орехи грызет и твердит — Олоферн, Олоферн.
А Ной смолит большую бочку и напевает

• ОЛОЖЕНЕ •
• ЕТ •

(Ведь Ты меня возьмешь туда,
Когда подыметесь вода?)
И молнией златой Илья все обвивает.

Говорят – всю прочтешь – зачитаешься, съедешь
с ума ·

Это видно, заметно – дрожит уже он.
Тыква разума с радостью рухнет сама –
Толстобокий надменный Иерихон.
И я тогда шагну в дремоте легкой странной
Под водопад теснящихся теней.
О Моисей, придя к земле обетованной,
Ты чувствовал, что ты приснился ей?

Не знаю, что это, но если это – книга,
То вот она лежит пред лесом на окне,
Ее листает ветер торопливо,
Она горит на западном огне.
И миллионы глаз слетались к ней из ночи,
Из леса и кружились вокруг нее,
Как бы шары и орды пчел рабочих
Кругом куста, цветущего огнем.

1982

ХЬЮМБИ*

(практический очерк эволюционного алхимизма)

В тигле ранней весны
Преобразилась.
Пост, алхимик невидимый,
Кровь подсинил,
Влил в глаза пустоту,
Живой водой покропил
Священную точку меж глаз.
Понимаю старые сны
Жизни своей бесноватой,
Оседаю в кастрюле весны
Порошком красноватым.

1

Мозг — (а верное имя — мост)
Он повсюду. Звезд
Брызготня — это он —
Вплеснутый в темень.
Я чашу протянула к промоклым небесам
И Он ее наполнил сам
Ореховатой горькой
Кашей знания.
Подмешан морфий к ней,
Она — водоворот,
Тропический цветок
Там у глазных ворот.
Когда гроза в мозгу,
Он кружится, плывет.
Беспокойною вдовой
Он трясет свой крепкий терем,

* От human being (англ.)

Ливни белые секут
Изнутри свой черный череп.
Нет, он не зеркало для мира,
Я не верю,
А мир есть зеркало
Сему седому зверю.

2

(Алхимик)

Луну впустил он в левый глаз,
А Солнце – в правый,
Разум гас.
За переносицей его
Свершилось брака торжество.
Под чаном огонь развел,
Шептал, чего-то сыпал,
Нырнул в кипящее жерло,
С молитвой к небу обратясь:
”За Бога растворюсь сейчас,
Как погибал и Он за нас,
За Бога распадусь тотчас,
Чтоб вырос из земли алмаз.”

Пришел нескоро ученик,
Нашел он чан остывший,
В нем белый порошок
Как манна.
На дне – большую жабу,
Во мгле ее зеленой чистой
Был человечек с ноготок,
Весь каменистый.
Но взять его он не решился
И бросил в море – видеть сны.

3

Хьюмби чашку протянул к небесам,
И Он ее наполнил сам
Горячей кашей
Синеватой, впрочем, белой.
И хьюмби, взяв ее несмело,
На свой двуножник
Ставит и варит
И сам в себе помешивает ложкой,
Века проходят — каша не кипит
Иль, закипев, снижает.

Но иногда встречаются среди хьюмби —
Как васильки в полях — почти не хьюмби,
Их мозг оранжевый, зеленый или синий,
Они, бывает, видят все ногтями,
Как правило, бесстрашны, нелюдимы,
На вид они — совсем простые хьюмби,
Еще их признак — мяса не едят.
Иные хьюмби любят их смертельно,
Другие ж хьюмби очень их не любят —
Ведь чем хьюмбабистее, тем суровой.
А он, несчастный, смотрит ввысь коровой,
Он доится как все, но чем?
Настойкой ядовитую спиртовой.
Но все-таки и он
Немного хьюмбоват,
Глухонемой и прозорливый,
Но он вам — брат.

4

При дневной луне
Хьюмби едет на коне

В розовую тьму,
Ухмыляется весне,
Кланяется соловью,
Радостно ему.
Вдруг голос с неба:
Хьюмби, дети!
Ради приятности одной разве вы на свете?
Для того вас породил? —
Хьюмби с коня упадает,
Воскликает: Сила сил!
Этой радостью земной
Я мечтал с Тобой делиться.
Бедный хьюмби, фарисей.
Тихо, только в черепашку
Бьет крылом большая птица.
Этой птице клетка — ты,
Она выпорхнет
Из тесной темноты.
Хьюмби едет на трамвае
По окраине — барак
За баракom проплывает,
Ноет зуб и жмет башмак.
Хьюмби, хьюмби, ты дурак.
Ум бы
Разве
Жил бы так?
Я летал бы на такси
В облаках, в небесах...
В это время в голове
Его кружится
Окровавленная спица,
И перо широко машет
И размазывает кашу

По краям,
То попробует, то сплюнет.
Хьюмби же идет на рынок,
Покупает васильки
И себя он дома, плача,
Хлещет по глазам.
Хьюмби,
Ум бы!
И невидимый алхимик
Подбирает этот веник
И несет за небеса.
Хьюмби что?
Поест картошки,
С телевизором немножко
Он в гляделки поиграет,
Хлопнет рюмку да и спать.
Вот тогда перо и спица
И сама большая птица
Очищают его зренье
Как тяжелый апельсин.
И во сне его хоронят.
— Нищие! — плачет он и стонет,
Нишей видит он себя,
Зверь бестрепетный судьба
Сидя в ней клубок мотает.

5

Мне все виднее, все видней,
— ау-ау — о ангел мой!
Я становлюсь глухонемой.
Но что же этого честней?
Я слишком долго много знаю,
Я задыхаюсь — пузырями

Прольется только лепет злой.
Тебя и то о ангел мой,
Дозваться ли глухонемой?
Хотела я достать руками
Ту точку – там- где вокализ
Хватает ангела босого
За пятку то ль он тянет вниз,
То ль – ангел вверх его – не знаю.
Меня не слышал ангел мой
И полетела вверх ногами
И становлюсь глухонемой
И с духом говорю глазами –
Меня ты слышишь, ангел мой?

6

Достоевский и Плещеев в Павловском парке

– Пора идти, мне надо в город,
Ну я пошел, пойду, иду.
– Я провожу вас. – Как угодно.
Мы через парк здесь напрямиком.
Мне нездоровится немного,
Припадок может вдруг случиться.
– Так заночуйте, ведь дорога...
Нет, нет, мне надобно домой.
Через синий парк тревожный, вечеряющий, шурша
Вот кузнечиком вдали показался Павел...
Обойдется, обойдется, мимо, мимо пронесется,
Может, в памятник ударит.
К этим сумеркам лиловым
Кровь подмешана лягавой,
Той которую жестоко злой солдат трубой ударил.
Как она скулила, выла,

Бессильно плакал Павел.
Князь великий,
Горло, горло
Расширяется трубою
Вот сейчас я и завою
Или ангел воет мною?
Вот уж под руки схватили
Меня Павел и собака,
И зовут — Пойдем, писака,
Поплясать.

С ними трубы и лопаты и корона и порфира...

— Это парк, он парк ужасный,

Здесь Конец ведь где-то мира?

— Да, вон там.

— Да, близко, близко.

Римских цезарей печальных жирный мрамор
представляет

Как пионы они дремлют,

Когда ночь повеет тенью,

В их пустых глазницах зренье

Туман вечерний обретает.

— Вот Нерон. Я был Нероном.

И еще я буду, буду.

Вы не бредите ли, Федор?

— Да, как будто. Извините.

В голове немного ... Одурь.

Вот сейчас оно начнется.

Деревянными шагами он к скамейке.

— Федор, плохо?

Ах, скамейка-зеленушка,

Твое тело деревянно,

Вдруг ты стала осиянна.

Он вцепился, задохнулся, мягко полуповалился.

И скамейка вся в припадке,

По морю плывет вся в пене.
Ночной грозой расколот череп,
Молнии, ножи сверкают.
И ливень хлынул вдруг на мозг,
На скорчившийся пестрый голый,
Он расцветает, вырастает,
В нем небу тесно
И тюленем
Оно шевелится в мешке
Худом телесном.
Здесь — таинство —
Случается со всеми нами что-то в миг,
Когда надрывно эпилептик бьется.
К нам кто-то исподволь приник
И нерожденный закричит и мертвый тихо повернется.
Здесь операция быть может
И кто умело надрезает
И зелье едкое вливает?
Ужели я — марионетка
И мастер нитки подправляет?
Все под наркозом, под наркозом.
И сад из роз шумит, гиганты — розы.
(Я прислонился головой к стеблю
И лепестки высоко, так высоко)
Блаженство
Задувается как свечка
И он встает
Тупой остриженной овечкой
К вокзалу шумному бредет.
(А боль и брага заперты в висках,
— Спасу кого могу от этой фляги —
Он будет убивать по голове
Всех тех, кого убьет — хоть на бумаге).

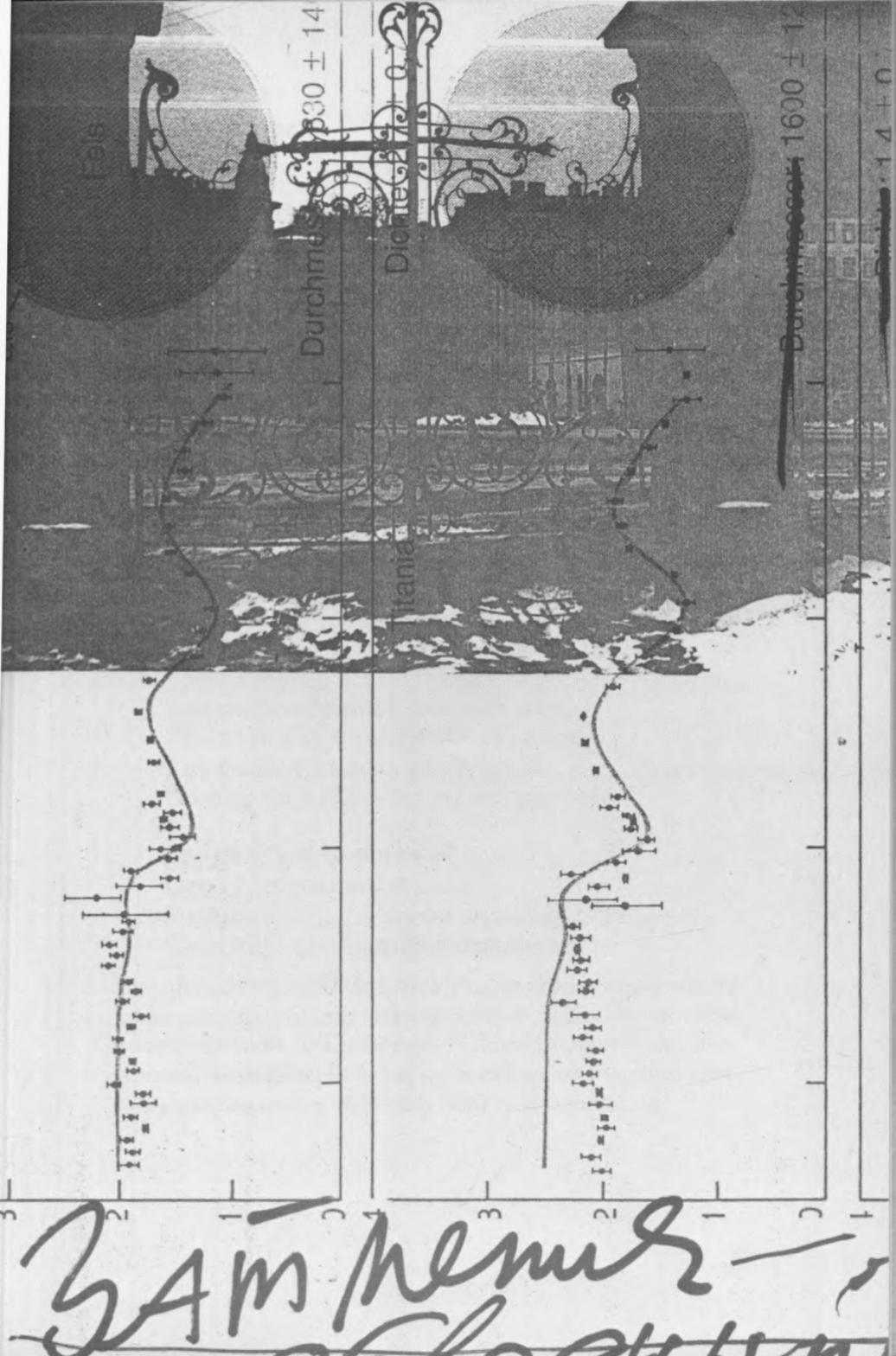
Фиалки запахом визжат,
Ночные — о как жалки. Жалко.
Захлопнут череп, статуй ряд
Как лошадь под уздцы ведет аллею парка
— Пойдите, я вам воротник поправлю.
Вам, правда, лучше? Как я рад. —
И с плеч, шепча, сползает Павловск
Как нашкодивший леопард.

7

Вот алхимический процесс
В мозгу у хьюмби созревает —
Волшебный камень,
Но это очень долго длится
Уже и крылья прорастают,
Уж хьюмби полуптицы,
Кентаврики с другим лицом,
Вопрос лишь в том:
Сначала мир захочет провалиться
Иль хьюмби раньше высидит яйцо?

Еще есть вариант — что он когда-то
Уже разбил его случайно, равнодушно.
Метались ангелы, оплакивая брата,
Как будто бы горел их дом воздушный.

Июнь 82.

Durchmesser 330 ± 14

Dichte 27.0

Durchmesser 1600 ± 12

3AM Memur -
 of the station

(на буксире)

АРНО ЦАРТ*

Вся жизнь идет наоборот —
Приходит осень за зимою,
Бочонком выпятив живот,
Невеста гонится за мною.

Мне жалко сердца твоего,
Но пусть его расколется боль:
Я не тебя люблю. Его —
Люблю, люблю Рембо, Рембо.

* * *

А. Семенову

Был у меня один, но крупный недостаток —
Чревоугодие, теперь
Я беден, худ и слаб и жалок —
Негордый волк, осенний зверь.

Чем ты безобразней, подруга моя,
(Ты глядишь, будто рыба из сетки) —
Тем больше шансов на то, что я
Поселю тебя в своей грудной клетке.

Получку топлю я в море,
Пью перебродивший квас,
С миром мил, и с Богом не в ссоре,
С тех пор, как выколол левый глаз.

* Необходимо заметить, что этому эстонскому поэту принадлежат только напечатанные здесь стихи. Все, пользующиеся его именем — самозванцы, или, возможно, незаконные дети, но в таком случае они обязаны подписывать А.Ц.-фис или А.Ц.-младший.

АРНО ЦАРТ

(Мне казалось, что Таллину чего-то не хватает, что-то там просится быть. Тонко свистел ветер под крышами Вышгорода – это была Лиса. Там, где кончается Запад, начинается Восток. Они сливаются. Осталось лишь найти Лисе певца, по-эстонски холодноватого, ограниченного, но достойного лисьей любви.)

ПОВЕСТЬ О ЛИСЕ

1

Все же ты нашла меня, Лиса.
В захолустьи.
Лисы любят захолустья.
Брел
По крепостной стене
глядя на залив
вспоминая
будущую жизнь.
Ревель – маленькое сито,
а сколько жизней просеял.
взор мой не обманет ни пол, ни возраст –
сквозь гляжу.
Я узнал тебя в дворничихе,
Она рисовала метлой
на предвесеннем снегу
иероглиф
двойного счастья.
Пришла в Новый год,
вырезала из бумаги лодку,
далеко уплыли
по рисовым полям зеркальным.

– Ты не думай, Ляо-шу фэнь,
я – старинного дерева пень,
Мы – Царты – бароны,
замок у моря...
А мне от отца достался рост,
да острый нос, да шарф
красный как лисий хвост.

2

”Мне нравится в тебе –
что любит
тебя твоя одежда.
– Лиса говорила,
взмахивая жесткою птичьей лапкой. –
Всякая твоя рубаха
по ночам от страха дрожит –
вдруг не оденешь.
Шарф так и льнет к шее.
Ботинки хотели б прирасти к пяткам.
Все хочет тобою стать –
в этом закон любви.
Видела вчера – твоя куртка
сама нарастила на себе заплату.
Что потеряешь – тебя догонит.
Уронишь карандаш – он бросится,
прыгнет тебе в карман.
Но сам ты бездушней
красной нитки, деревянной палки.”
Так мне лиса печально
медленно говорила,
когда мы с нею бродили
в вышгородских безлюдных

сумерках – возле пушки,
грозя своей твердою лапкой,
и изредка тонко скулила.

3

Заговорила о стихах.
– Ты ведь и не читала.
– Я их видала.
Вчера, когда ты спал,
над изголовьем они кружились,
они летали
и причитали:
скорей, скорей бы
он умер, умер –
тогда мы будем
свободны, братья.
Одно из них – был карлик
в синем тяжелом балахоне,
он под горою словесной
обычно тихо живет.
Другое – бабочка
с прекрасной и рыжекудрой головой,
она вилась и пела:
О отец, отец,
мы из крови твоей,
из слюны твоей,
из твоей земли,
умирай скорей.
А третье – вовсе
сросшиеся пятачки.
Ты порождаешь сумрачных чудовищ,
хотя ты сам другой... Я не пойму...
Они желаньями кипят, а ты безволен.

Ты ветерком растаешь в поднебесье,
как я кровинкою растаю в Поднебесной,
они же счастливо и долго проживут.
— Ах, лисы, лисы,
в вас ученость
все побеждает — и любовь и нежность.
Хотите вывести вы человека,
похожего на карликовый сад,
а я — усталое, но цепкое растенье —
я вырос не в мещанском захолустье,
а на стене трехзубого обрыва*
Европы в небо, в нети, в чернозем.

4

Мимо церкви проходим,
кирхи или костела
дрожит вся, ко мне прижмется
и шепчет: Спаси, Лисица
небесная, взмахни
девятью
хвостами
золотыми,
прикрой ими дочь.
Пошли в кинотеатр Форум —
— Как скучно — она сказала —
бывает поинтересней. —
Она из чулка достала
серебряное зеркальце
и тихо смеясь показала...

* Три возвышающиеся над Таллином церкви — Олевисте, Никулисте и Св. Духа.

Принесла старый гербарий в синей обложке, неизвестно — чей, кто надписи делал легким почерком заостренным, только дата есть — тысяча восемьсот восемьдесят второй. Вот сказала — понюхай. Вот — тема. Хоть не люблю подказок, все же я написал:

”Эти фиалки кинули
дети в окно фиакра”.
Пахнут они весной,
той весной-старухой,
а кровь все еще пьянят.
На островах Борромейских
бродит,
цветы чудесные находит,
а волосы у ней — паутина.
Вот — эдельвейс альпийский,
матовый и шелковистый,
роза из папского сада,
ей отцвести было должно
вечером — сто лет назад.
Тень, их продлив умиранье,
около них кружится,
все вспоминая прогулку
от Рима до острова Мэн.

Уговорил — ”Будешь как люди” —
венчаться.
Вся трепеща вошла
в старый костел на отшибе.
Только спросил священник:
— Согласен ли я? — Я согласен.

Вдруг завизжали старухи:
У невесты ушки и хвост!
Правда!
Торчком встали ушки,
вся она вдруг покраснела,
Легкой шерстью покрылась,
Стала лесною лисицей,
зубы ощерив, рыча
бросилась вон из церкви.
Я за нею помчался.
Да где уж...
плачет,
я, — говорит, — забылась.
Нам, жалким лисицам,
место свое надо знать.

7

Жизненная сила истощилась,
высох от нее, зачах,
как и она не устанет?
День машет метлой,
а ночью
достаёт из рукава
рисовую водку.
Росчерком одним рисует дракона,
говорит — ”Тебе еще надо учиться,
Ты — неотесан слегка.”
Заставила Лао-Цзы
учить наизусть,
так что я уж теперь и не знаю —
не Лао-Цзы ли я,
которому снится,
что он — тартуский бывший студент?

Улыбнется, обнимет,
крохотную туфельку скинет.
— Ты уже делаешь успехи.

А вечером прошлым на улице Вене
вдруг махнула хвостом
и бурым комочком
петлять принялась
в переулках
пальм красным листом
(по следу вились огоньки)
мелькнув напоследок, исчезла.
Умчалась в Сорбонну ль, в Китай?
Прощай, лисица, прощай.

8

Письмо от лисы через 10 лет.

Пишу тебе из зоопарка
провинциального. Прошло лет восемь.
В меня здесь дети тычут палкой.
”Приходит за зимою осень.”
Моя вся облысела шубка,
Глаза тускнеют, тупятся когти
и юной девой притворяться
мне тяжело.
Мне из Китая до Эстляндии
теперь уж вихрем не домчаться.
Ночью, тебя вспоминая,
сложила песню:

”Блаженны ногти на твоих руках,
блаженны ногти на твоих ногах,

хотя им угрожает подстриженье —
одно лишь ножниц круглое движенье
и вот они повержены во прах.

Я — как обрывки жалкие ногтей
вдали тебя и жестче и желтей”.

Ты — ”бинь-синь” — ледяное сердце.

Может, ты меня уже не помнишь.

Я же, скоро закончив искусы,
отбываю в небесные степи.

Прилагаю при сем порошок бессмертья —
плод усердного векового
переплевыванья с Луной.

Принимай — растворив его в красном
ледяном вине
на рассвете.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЛИСЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАД

1. Письмо от Циня

Дорогая Ляо! Золотая!
Я живу теперь в Санкт-Петербурге
(городок такой гиперборейский).
Здесь песок для опытов удобный —
Свойства почвы таковы — что близок
Я уже к разгадке Циннобера.*
Город этот рядом с царством мертвых —
потому здесь так земля духовна.
В опытах продвинулся я очень,
Но об этом никому, при встрече...
Притворяюсь сторожем при бане,
Одноглазым пожилым пьянчужкой.
Очень грустно мне и одиноко,
Некого позвать на день рожденья,
А в субботу (верно, ты забыла)
Стукнет мне 716 лет —
Хоть не круглый возраст, но серьезный.
Приезжай, Лисица дорогая,
Золотая вечная подруга,
Выпьем мы напиток драгоценный
Из слюны волшебной птицы-Феникс.
Адрес мой — Дзержинского, 17
И спроси Семеныча Кривого.
Вспомни, как мы в небе пировали.
Посылаю я письмо с драконом
Синим из Шань-си, тебе известным,

* Циннобер — киноварь — в даосской алхимии очень важная вещь.

Он уже стучит нетерпеливо
По стене хвостом. Так приезжай.
Помню все-все-все. Веселый Цинь.*

2. Не прошло и двух дней

Ночь. Затихает
Коммунальной квартиры
Концерт субботний.
Скрипки улеглись
И фаготы уснули.
Запершись, Цинь любит
Неким составом золотистым,
Взбалтывая осторожно
и чмокая языком.
Вдруг в дверь стукнули
Громко, а потом тихо
Десять раз подряд
на мотив известной всем даосам
песенки:
Поймал меня Тань-ши** в бутылку,
да замазать забыл хорошенько.
Вздвогнул Цинь – не шпионы ли?
А из-под двери – сиянье
И кончик хвоста красноватый
В щель протиснулся

* *Прим. к письму. Цинь – великий даос-алхимик, и сейчас он близок к разгадке эликсира, обладая которым можно ни богов не бояться, ни смерти. Но не знает он, что многим лестно этот эликсир скорей добыть.*

** Тань-ши – даосский ”папа”.

И ходит игриво.

— Отоприте, скорей, отоприте!

Отворите — спасаюсь от охоты!

— Ляо! — В дверь Лиса ворвалась со смехом

Колокольчатым,

Как погода в мае.

— Ляо, как ты выглядишь прекрасно!

Не то что твоих шестиста,

Тридцати тебе не дашь, плутовка!

Я ведь помню тебя лисенком,

Диво, как ты мало изменилась!

— Что ж тут дивного? Не человек я.

Ты вот — это вправду диво —

Ты такой же красивый и веселый

Как в блаженное время Мин.

Ты прямо чудо!

Ты знанием небесных тайн владеешь.

Я тобою восхищаюсь.

Все мы в Поднебесной

Следим за твоей работой

(Ну, насколько это в наших силах).

Все в Китае — духи, зайцы, лисы,

Золотые, красные драконы,

Сам Единорог — Ци-Линь могучий

Только о тебе и говорит

(в последнее время).

— Что же обо мне, ничтожном,

Вспоминать особам столь почтенным?

— Говорят, ты к тайнам жизни

Прикоснулся,

Кровь души ее сварил,

У тебя в руках все судьбы мира,

так болтают. — На, возьми подарок.

Тут Лиса достала из-под юбки
В форме голубя бутылку из нефрита —
Знаешь, духи разные бывают,
Могут и украсть, они все могут.
Вот бутылка, она — неоткрывашка.
только ты да я открыть сумеем,
влей сюда составчик свой спокойно
и шепни такое заклинанье
(тут она на ухо пошептала)
И другой открыть никто не сможет.
— О, твой подарок кстати! Драгоценность!
С тех пор, как я добыл состав,
Меня тревожат духи,
То череп поглядит в окно
И расхохочется, то ломаются
Драконы ночами в дверь.
Теперь надежней будет.
Он перелил состав и запечатал.
— Присядь. Поешь. Устала ты, наверно?
— Да нет, ведь я на облаке попутном
прилетела,
Конечно, это долго, но удобно.
Уносит ветром то в моря, то в горы,
Но у меня с собою был цыпленок,
Бутылочка вина (стащила в храме)
И почитать что было — Кама-сутра,
Да Иакинф Бичурин, Пу-сун-лин.
К полуночи сошла я на Дворцовой.
Пойдем-ка погуляем, Цинь!
Иль, если хочешь, действие состава
Мне покажи. — Что ж! Я сотню лет трудился,
но никому еще не хвастался. Смотри!
Есть у тебя хоть косточка цыпленка? —

Лиса из рукава достала ножку —
На, закуси. — Да нет, не для того. —
Достал бутылку и капнул осторожно
Мерцающую и густую каплю
на ножку, сразу ж
прибавились к ней крылья, голова
И закричал цыпленок — кукареку
(но только по-китайски — кукаси)..
А если этим помазать зеркало —
увидишь — свои рожденья,
и себя в гробу.
Но это лишь побочные эффекты,
о главном я потом тебе скажу.
— Охти, мне страшно! — пискнула Лисица.
Цинь каплю стер с цыпленка,
Тот ножкой стал поджаристой в меру.
Состав вновь осторожно запечатал
И в холодильник дряхлый положил
И холодильник тоже запечатал.
— Ох страшно, страшно! Надо прогуляться.
Ночей я белых не видала в жизни.
Пойдем, голубчик Цинь, пойдем
и где-нибудь твой день рожденья
Справим, закусим, выпьем, ну пойдем!
— Да боязно состав оставить так,
да и устал я... — Пойдем, пойдем,
ну ради старой дружбы! —
Цинь засмеялся и махнул рукой.

3

Пару странную видали
В переулках у канала —
Одноглазый матерщинник

И веселая бабенка
в ватнике и сапогах.
А воздух палевый,
Деревья в полной силе,
Луна висит когтем от чарованья
нам помогающим (сегодня не поможет).
Они идут, мурлычат,
Покачиваясь на ходу — как будто от вина
На самом деле, что счастливы
увидеться они.
— Какое счастье! Наконец, мы рядом,
Уже два века не видались мы. —
Но тут — увы! — они проходят мимо
Скучающего милиционера
И, удивлен их видом, странной речью,
Он говорит им — Ваши документы!
Ах, нету? Так пройдемте! — А куда?
— Увидите. Ругаетесь вы матом.
— Мы не ругались вовсе, что вы! Что вы!
Вы — власть, а власть мы с детства уважаем.
Что-что, а власть мы очень уважаем!
— Нет, все-таки пройдемте! Вы нетрезвы!
Ругаетесь. — Да где же мы ругались? —
— И представляете для общества опасность.
Пройдемте! — Раз так — то поплывемте, поплывемте!
И кинулись в канал и по нему
Плывут как две моторных мощных лодки,
А в воду по колено погружаясь.
Служивый, говорят, совсем рехнулся
И повторял в больнице: поплывемте.
Нет документов? Граждане, плывемте!
Они же — по Фонтанке в Летний сад.

И вот они в закрытом Летнем
Густом Саду.
В такую полночь
Неведомо что делать —
Нет сил жить
И не жить нет сил.
— Как статуи здесь некрасивы
И лебеди клекочут, как больные,
Но что-то вдруг китайщиной запахло
Откуда бы? — От домика Петрова.
Пошли туда, уселись на полянке.
Где старец-матерщинник? Где бабенка?
Прекрасный юноша в халате,
украшенном драконьими глазами
и тиграми
(а те носами водят китайский чужой домик)
И дама с веером фламинговым
очаровательна — и на макушке гребень,
а в нем — жемчужина прозрачная пылает.
Лиса из рукава достала
Флакончик с рисовой водкой
— Ого! Как хорошо! Сто лет не пил.
Бутылку с тушью, свиток и еду.
— Ты, говорят, страдала от любви?
Узнав об этом, очень я смеялся
И в зоопарк, как дурочка, попала.
— Ты помнишь песенку мою,
Что все поют в седьмом раю?
И веером кружа,
она запела:
Все до фени
Ляо-шу-фэнь,

Фрейлине великой Феи.
На пятке — корень чарованья,
на сердце — лотоса цветок,
а на уме — триграммы из И-Цзина. —
— Помню- помню!
Как я рад, что весела ты!
— Отчего ж не веселиться?
Я сдала вчера экзамен
Строгой матушке Тайшень*
И приблизилась к бессмертью.
Мы ведь каждый год должны
Их сдавать — я в зоопарке
Даром время не теряла!
— А какая была тема?
— Тема ”персиковый цвет”.
Тут они захохотали
(ведь от бесов помогает
этот персиковый цвет).
— Тема очень благодарна.
Тут вдруг вспомнил Цинь,
что обещал он угостить свою подругу
фениксовою слюною.
Ну, распили по наперстку —
стали легкими такими,
что земля уж их не держит.
— Говорят, что твой эстонец
вроде бы совсем зачах
и стихов уже не пишет.
— О, я вижу все ты знаешь!
— Ну драконы ведь летают.
— Что ж! — зачах — так и бывает.

* Матушка Тайшень — хозяйка Святой горы в Китае, покровительница лис.

Нам положено лисицам
Человека погубить,
А самим нам все до фени.
За нос я его водила
И взяла немного силы
Для бессмертия лепешек.
— Ты б его хоть навестила?
Это близко. — Да зачем же?
и зачем ему Лисица
с родинками на запястье
в виде Лебеда созвездья?
Что о нем и говорить?
— Еще болтают — здесь объявился некий
поэт — стихи подписывает Арно Царт*.
— Вот самозванец! И хорош собой?
В нем силы много жизненной?
— Не знаю, все недосуг
мне было повидать,
а прозывается —
как будто Кри-ву-лин.**
— Уж не китаец ли? Я навещу его.
К поэтам я питаю с детства слабость.
Да вот на той еще неделе
С Ли бо катались в лодке мы. —
Так болтая выпивали
И стихи писали тушью.
Вьпивали и болтали,
Побрели потом куда-то
Одноглазый матерщинник
И веселая бабенка,
напевая и мурлыча:

* Арно Царт — см. Повесть о Лисе

** Кри-ву-лин — подражатель А. Царта.

Все до фени
Ляо шу фэнь,
Фрейлине великой Феи.

5

— Я по тебе так тосковал, Лисица,
Пойдем домой, пойдем скорей домой.
— Пойдем, но после. Лучше погуляем.
— Ну раз уж тебе охота,
пойдем посмотреть на китайцев,
единственных в Петербурге,
— Да кто ж такие? — Ши-цза.*
Слегка уязвленный Цинь
Повел ее к этим страшным,
жестоким и маленьким львам.
Через Неву пролетели.
— Вот они! Отвернулись. Делают вид, что не знают.
Забавные все же зверьки.
Про них ходят разные слухи,
Говорят — зазевается в полночь
Человечек — и утром находят
Кровь на пасти Ши-цза.
Лиса отвечала в том смысле, что —
”как хорошо, мы не люди,
а то нам было бы страшно.
Но мы, хвала Небу, не эти
Кожаные мешки,
в которые вдует ветер — все, что захочет.
Ой, прости, я забыла, что ты...”
Ничего, ничего, я тоже
Не совсем уже человек.

* Ши-цза — китайские драконы на Петровской набережной.

Я их кормил в Новый год
Пельменями из пельменной,
А если ты дашь им откусать
Китайского пирожка,
Им будет гораздо легче
Стоять здесь еще столетья
Под шорох невского льда.

6

— Оживет Любовь от обморока,
Удивится — где была?
Кажется, я три столетья
Сном болезненным спала.
Где же я брела, шаталась,
Где же я, Любовь, была? —
Так Лиса лукаво пела,
Юбкою гранит мела.

7

Лиса из туфли достала
Бумажный кораблик,
Плюнула — получилась лодка
Деревянная, сели они, поплыли
по стеклянным залам белой ночи,
По Фонтанке, Мойке и каналам
И доплыли даже до Залива.
Цинь домой просил Лису поехать,
Но она все любовалась видом
— Ведь такого нет у нас в Китае.
Так они плавали, плавали
До звона в ушах,
До прозрачности в глазах
И в ознобе легком наконец-то

Г

и,
кап
у,

ОМСНИ СЫГ

в.

н

3 НУЧЕГ

С Д

По каналу повернули к дому.
Торопились люди на работу.

8

Дверь открыли – в прихожей
Цинь Лису обнимает, целует,
А она все смеется звонко...
В коридоре стоит соседка,
Странно смотрит, к стене прижалась.
– Что такое? – Да вот – смотрите!
Дверь распахнута в комнату,
Холодильник продырявлен
Будто пушечным ядром.
Цинь побелел. Соседка тараторит –
Слышу грохот, вижу
Человек от вас бежит –
Рыжий, страшный,
Я ему – кто такой? А он как прыскнет!
Изо рта огонь! Я испужалась. –
Цинь ей говорит – Идите, спите.
Уползла соседка. Цинь на пол сел
и дышит как рыба на песке:
– Знаю я, кто это – красный злой дракон!
– Это он, конечно, это он!
Смеха колокольчатый звон –
Это Лиса смеется и в форточку хочет
Пролезть.
Цинь в изумленье руку протянул
Заклятье прошептал – та в воздухе повисла
– Теперь я понял –
Зачем всю ночь
Меня водила!

Агент! Шпионка!
На кого работаете, госпожа Ляо? —
Она же в воздухе застыла
И как воск на свече
Ее одежда вся оплыла.
И в воздухе висит
Лысеющая лиска.
— Вот хвост отрежу!
Что ты — без хвоста? —
Взмолилась тут Лиса:
Пусти меня, пусти!
Состава не вернуть.
Он слишком был опасен
В твоих руках.
Ты все же человек...
— Да знаешь ли ты, старая зверюга,
Что я могу в кувшин тебя упрятать
И будешь ты без воздуха и света
томиться век
здесь в питерских болотах?
— Цинь, миленький, припомни нашу дружбу
Не делай этого.
Любовь ты нашу вспомни,
Заоблачные песни.
Ведь мы с тобою на одной подушке спали
И укрывались рукавом одним,
Пускай тому три века,
Но все-таки! Цинь, миленький! —
Цинь отвернулся и махнул рукой.
Лиса со свистом в форточку умчалась,
Вернулась, заглянула, прошептала:
Прости меня, себе я не хозяйка.
Единорог велел. Прости. Прощай!

Дней через пять
Соседи на полу нашли
Холодного и старого китайца.

Февраль 1984

ЕЩЕ О ЛИСЕ

1

Лисы любят черное вино,
Белого и красного не пьют.
Блюдо их любимое – “Четыре
К совершенству дикие пути”,
А по праздникам – “Семь восхвалений”
Многому может научить Студента –
Тайнам небожителей и трав,
Даст прочесть развеянные книги
Тыщу лет летящие по ветру,
А самой ей ничему не научиться –
Горечи любви земной – и этим
Лисы себе душу наживают.
И когда Лиса полюбит Человека –
То как загнанная дышит и страдает,
Запечется рот, в подглазьях тени
И душа набухает, душа набухает
Как рога молодого оленя.

Пьет Лиса чай,
Отставя пальчик,
Рассуждая о превращеньи Земли в Огонь
И Огня в Воду
И о птице счастливой Феникс,
О девяти мудрецах веселых —
О мы с ними немало побродили!
Только вдруг побледнеет,
Губу закусит,
Упадет, запахнет мокрой псиной,
Мускусом, дремучею норою.
— Не хочу погружаться в горную речку
Обновлять свою вечную юность,
Не хочу эликсира бессмертья!
Потому что вы — люди — холодные черви
И не знаете любви вечной. —
Но ничего. Поплачет,
Умоется, шерсть откинёт
В невидимое, наденет фартук
И встанет к округлой печке,
Заказанной ею в Тибете,
Варить философский камень.

1984, январь

ЧЕРЕМУХА И ТОМАС МАНН

Дожди напали на весну. Пovyгчесали
Лепестки с дерев и бросили их в лужу,
Они лежат, сияя, сон их тонок,
Черемуха мятется на ветру
Как легион разгневанных болонок.
Весна обстриженная,
Весна обиженная
И горло тучами обложено
Таковыми синими.
Черемуха-Волшебная гора —
Внутри нее — чахоточный германец
И то же, что ее дрожащие цветы
Его веселый роковой румянец.

НЕБЕСНЫЙ БАЛЕТ

Вчера была гроза
И "ух ты!" говорила я всякий раз
Как молния прыжком
Нижинским в облака влетала и скользила
И в бездну падала — от этого был гром.

И тучи прыскали алмазными порошком.
И вместе — блеск и топот тот невместный.
О Дезире! Балет небесный!
Толкают, мол, пора — на сцене этой тесной,
Висящей между бездною и бездною
И локоть округлить и сердцем распрямиться
Зависнув, просиять и в пропасть провалиться,
Сверкая в глуби заоконных глаз.

* * *

Мне снилось — мы плывем по рисовым полям
(Из риса делают бумагу),
По блеску мокрому, по зеркалам,
Болотному архипелагу.
В бумажной лодке, лодке бледной,
Не слышно плеска — весла так легки,
В тумане лодка мокнет, утопает
И мелкие дождятся огоньки.
Метелки риса, вставши из воды,
Корейскими косят глазами — дабы
Я поняла — предмет любви не ты —
Они. Любви ветвится канделябр.
Органной песней, как труба в трубе,
(Естественно любить и всех и сразу),
Смотри — уходит память о себе
На дно неловким мертвым водолазом.
Смотри — дождем кружатся огоньки,
Не падая на землю — это души,
Которых неутешная любовь
К Творенью и Творцу, душа, не тушит.
О как давно я это знала все —
Еще когда была двуногой
И вот тону и вот лежу на дне
Любви мильоноруким осьминогом.

На мелком дне, на рисовых полях,
Принадлежа земле, воде и небу,
Томлением живым — и сладкий страх —
Меня полюбят те, кто думает — ”я не был”.

ДЖОКОНДА

(на знаменитую кражу)

О маленький маляр, укравший Мону Лизу!
(А может быть она его украла?)
Днем в сундучке спала, а в полночь
Развертывалась, целовала
Она ли грубого любила маляра,
Звала издалека – Приди, украдь!
И ночью выползала из угла,
А утром забиралась под кровать.
О человек, ужель ты согрешишь?
Ведь с ней нельзя ни есть, ни пить, ни спать,
Она шуршит в потемках будто мышь,
С ней можно тенью холстяною стать,
Рисунком или краскою налиться
Взамен крови – кто это в дверь стучится?
Кудрявый, крепкозубый как вампир,
Он – Леонардо – вами насладится.

* * *

В душе пустынной много-много
Других существ – они с тобой,
Мы в городах и толпах одиноки,
А здесь – здесь душ священный водопой.
Они приходят звери и грифоны
И радуются будто ты – их дочь,
В пустыне тесно – как на небосклоне,
Когда стручком созревшим виснет ночь.

Во внутренней пустыне можно встретить
Святого, Старца, Льва или Себя.
В пустыне – давка, люди, толпы
И в жилах ангела поет труба.
Когда войдешь – пустыня вдруг качнется
И вверх ли – не поймешь ли – вниз – уйдет
И кто однажды в ней спасется,
Тот выхода обратно не найдет.
Необратима святость будто старость,
Неотвратим Господь,
Души песок горит ему на радость,
Благоухает Камень-Плоть.

ПЕЙЗАЖ С РАЗГОВОРОМ

В барочном теле
Непорочный дух.
Ты – лев, любовь в тебе – овечка –
То разгорается, то затемнится вдруг,
То заколышется как свечка.

Вчера гуляли мы на островах
Как два фантома. Пруд был весь в экземе
И тополиным пухом запружен,
Наш разговор ловил и прятал в вату
Туман, ночным закатом опален.

”Вчера к художнику знакомому зашла
И, тюбики перебирая нервно,
Я сразу ”капут муртуум” нашла
И это скверно, очень скверно, верно?”

”Конечно, я не идеальный муж
Для поэтессы... Но я б старался, я б старался очень,
Но несвободен я, да и к тому ж
Вы переменчивы, а жизнь для пчел рабочих”.

”Я кофту красила –
Чуть желтый матерьял
С безумной смелостью
В раствор швырнула темный –
Шипя, кипела – кто бы ожидал –
Она на мне, но хвастаться нескромно.”

”Вот эта вот? О что за синева!
Я с морем бы сравнил неосторожно.

Банально слишком. Правда, вы сама?
От вас всего дожидаться можно.”

Я думаю – любовь твоя робка,
Но и моя подступит и отхлынет,
Как море севера, где айсберги горят
И чайки стьнут.

Я вспоминаю – на арене ты,
Где смерчем мускулов толпу дразня,
Красуешься и – кроткие удавы
Огромных мышц в сиянии огня.

Переливаются. И ты как водопад
Иль птица ты, проглоченная змеем,
Как два фантома мы бредем чрез Петроград
И воплотиться не умеем.

В урочный день,
В полночный миг,
Качнувшись, выплеснут пруды
Немного затхлой злой воды,
Кто их поймет язык?
Как задыхаясь, бормоча,
Шли призраки и горяча
Их кровь еще была.

”Я болен... знаете ль... но вы...
В вас столько содержания...
А форма всякая пошла...”
”Поправитесь... Попить травы...
Любовь спасет все мирозданье...
И ”капут мортuum” наша...”

СВАЛКА

Нет сил воспеть тебя, прекрасная помойка!
Как на закате, разметавшись, ты лежишь
со включенною головой
И черный кот в манишке белой колко
Терзает как пьянист живот тяжелый твой.
Вся в зеркалах гниющих, в их протресках
Польнь высокая растет,
О – ты Венеция! (и лучше чем Венеция)
И гондольером кот поет.
Турецкого клочок дивана
В лиловой тесноте лежит
И о Стамбуле, о кальяне
Бурьяну тихо говорит.
В гниющих зеркалах дрожит лицо июля.
Ворона медленно на свалку опустилась
И вот – она идет надменнее, чем Сулла,
И в цепкой лапе – гибель или милость.
Вот персик в слизи, вспухи ягод, лупа,
Медали часть, от книги корешок,
Ты вся в проказе или ты ожог,
Ребенок, облитый кипящим супом.
Ты – Дионис, разодранный на части
Иль мира зеркальце ручное?
Я говорю тебе – О Свалка,
Зашевелись и встань. Потом
О монстр, о чудище ночное,
Заговори охрипло рваным ртом.
Зашевелись и встань, прекрасная помойка!
Воспой, как ты лежишь под солнцем долго,
Гиганта мозгом пламеня, зрея
Все в разложеньи съединяя, грея,

Большою мыслью процвети и гной
Как водку пей и ешь курины ноги.
Зашевелись, прекрасная, и спой!
O rosa mystica, тебя услышат боги!

ЛЮБОВЬ КАК ТРЕТЬЕ

Когда ты мне сказал — Тебя люблю —
Глаза расширились и вздрогнули черты,
Мы посмотрели друг на друга
Как изумленные коты,
Как два соперника.
Готовы когти к бою, вздыблен волос,
Посмотрим — когти чьи острее,
Противней голос.

Я за угол свернула и смотрела,
Склонивши шею, на тебя,
Нам, кажется, теперь — судьба
Бродить одной и той же крышей,
И слушать, как Любовь по лестнице крадется
Мурлычет, громко дышит,
Но — воспаляя зелень глаз,
Смотреть не на нее, а в нас.

Как ндравный купчик я сегодня злая
И вот трясу руками – будто пугы.
Я хочу, я хочу посмотреть мюзикхолл лилипутов,
Вот чего моя душенька просит, желает.

Ну а если нет – в любимый тир,
Постреляю, попаду в мишень.
Пусть медведи пилят, пусть трепещет мир,
И та, что за миром прячется – Тень.

ИЗ НИЧЕГО

О погоди!
Скажу! Скажу!
О дай мне миг
Еще один!
Как клавесин,
Стучащий в Рай
И рвущий розу,
Ты мне на времени сыграй
Метаморфозу.
О погоди!
Хоть миг один.
Я и пчела,
Я и цветок,
Не разлучай наш брак,
И в трепете сладимый сок.
Ты – храм разрушенный
И там
Плитой пробился
Колокольчик.
Он службу служит и звенит
Пока окрестность спит.
О погоди! Скажу! Скажу!
Но я скольжу
В безвидный мрак,
Уже не колокольчик – мак,
Уже не мак, а птица,
Уже не птица – кровь,
Которую пускают всем,
Кто слишком много хочет.
Ужель ты кинешь меня к тем,
Кто колет темь и рубит темь
В скале молчания – к совсем
Немым горнорабочим?

СЛАВЯН

ДЕ ОУМНІ

Ж КЛІВБЕСИ,

УСОПШІ В РВАТ

РБУШМ РОЗУ.

ОСТРОВОК НА КАМЕННОМ

Вон остров – крошечный, чудесный,
Его утята сторожат. Восток,
Луною ранен.
Любовь напаялила на голову мне тесный
И душный легкий световой мешок.

Пойдем водою теплой и гниющей,
По пояс в липкой ряске и цветах
Туда – где белый гриб, несущий
Большое канотье на двух ногах.

Ты помнишь Клейста?
А клеста ты слышишь?
На острове моем дубы кружат,
Они замрут и шепчутся для вида,
На самом деле все они – друиды
И никого не выпустят назад.

Как душно мне. Там павильон Венеры
Когда-то был – и яма там теперь.
Ты слышишь – там трепещет центр мира.
Восток течет луною будто зверь.

(Ты, остров мой, сменил уже давно,
С дном илистым порвав со всхлюпом связь,
На глубину иную – на глазное дно,
И вот топчу сама я свой же глаз.
Взгляни в зеленовато-серый помрак,
В дичающие травы и огни.
Тебя из пруда вырвав, мой монобль,
Из града – в ободок – плыви, тони.)

На Ваш вопрос: я родилась в 48, на углу Лаврова и Чернышевского, так что я - настоящий кокни... Отца моего звали Андрей Деджула, он умер давно и я его никогда не видела. Деджула - это от Деджалий, был такой полковник и посол у Богдана Хмельницкого, он - крещеный татарин был, потом Деджулы смешались еще... Так что смесь иудейско-славянско-татарско-цыганская...

Не так важно, где я училась, как то, что до 14 лет жила в Египетском доме на Каляевой. Знаете ли Вы этот дом? Там такие огромные фараоны стоят у парадных и над воротами во двор Гор в виде ястреба, я жила во дворе, это был дом Ост-Индской кампании...

Вот, пожалуй, и хватит конкретности. А внутренняя история - и длинна, и непостижима... Вообще-то я написала какое-то подобие жизнеописания в афоризмах, но скорее история интеллекта... Определение в плохую погоду - называется... Уже больше месяца все читаю Ваших Ингов и Сведенборга и даже Бубера перечитываю...

Квадрат - это круг с крылышками.